

Э.П. Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
советник директора по научной работе
МБУК «Череповецкое музейное объединение»

Книга Н. Д. Чечулина «Русская провинция во второй половине XVIII века» как источник по истории Череповца.

*По моему глубокому убеждению,
история должна оставить на втором плане и
гениев, и психопатов и углубиться в изучение
жизни народа, а не гениев, и тем более – не
негодяев».*

Н. Д. Чечулин (1)

Это высказывание принадлежит Н. Д. Чечулину и является ответом рецензенту на написанную им книгу «Русская провинция во второй половине XVIII века». В целом работа историка, основанная на громадном количестве использованного фактического материала, получила хорошие отзывы в научном мире. Но некоторые историки обвинили Николая Дмитриевича в необъективном взгляде на русскую литературу XVIII века и русское дворянское общество, предстающее в его сочинении культурным и умственно развитым, а не средоточием всяческих пороков, как например, известная всем Салтычиха.

В ответ на обвинения, имевшие очень трудный историко-юридический характер, Николай Дмитриевич писал, что он стремился понять жизнь прежних людей так, как они её понимали и, что во всяком времени есть немало хорошего и важного, способствовавшего дальнейшему развитию общества. В качестве примера он процитировал автора «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, который вспоминал о добрых и недобрых людях, их светлых и тёмных сторонах, не великих героях и не громких личностях, в тишине и безвестности прошедших своё земное поприще, но также достойных уважения и внимания потомков.

Ю. М. Лотман, немало поработавший над изучением культуры XVIII века, заметил, что любой спор вокруг вопросов этого века в России «до сих пор немедленно приобретает актуальный и отнюдь не академический характер. Это свидетельствует, что эпоха XVIII века для нас ещё не кончилась, и мы смотрим на неё глазами заинтересованных современников»(2).

Н. Д. Чечулин посвятил свою книгу народу, его бедной и материально и внутренним содержанием жизни, которая, по мнению историка, имеет право на внимание, несмотря на отсутствие достаточного количества данных. Такое положение с изучением жизни народа тогда было характерно не только для России, но и многих европейских стран, что дало повод одному французскому историку заявить – «французские крестьяне не имеют истории»(3).

Труд Чечулина состоит из трёх книг. Первая посвящена провинциальным городам. Петербург и особенно Москва в те времена, как впрочем, и теперь, слишком заметно отличались от всей остальной России и по количеству населения, и по его составу, и по своему экономическому и культурному значению. Вторая книга рассказывает о податных сословиях и третья о служилом сословии, то есть дворянстве. Со времени принятия закона 1762 года последнее, по выражению В.О. Ключевского, уже «не служило ни в центре, ни в провинции, но правило провинцией»(4). Ему на правах полной собственности принадлежало

недвижимое имущество и крестьяне. Свой досуг дворянин заполнял приёмом гостей, игрой в карты, охотой, французскими модами, манерами, языком и пр. Это привело к тому, что Россия к концу XVIII века была несравненно более крепостной, чем прежде.

Что касается хронологических рамок книги, Чечулин писал, что только вторая половина XVIII века имеет достаточное количество материалов, хотя и неравномерных, особенно в изображении быта разных сословий. Если представители купечества, духовенства, крестьян оставили каких-нибудь полтора-два десятка памятников подобного рода, то служилые люди – десятки записок и воспоминаний. В них нет упоминаний о других сословиях, так как дворяне относились к ним с нескрываемым отчуждением(5).

Историку, описывающему Череповец второй половины восемнадцатого века, также приходится сталкиваться с отсутствием достаточного количества документов. То же самое можно сказать и о библиографии, она не обильна. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы можно перечислить буквально по пальцам. Книга Чечулина и его стремление понять жизнь прежних людей позволяет прибавить к истории нашего города и всего края в целом несколько ценных штрихов, любопытных деталей, сделать её менее скудной и сухой, эмоционально и нравственно обогащённой. И самое главное труд Николая Дмитриевича позволяет нам понять – кто мы, откуда, как и куда мы шли, куда и зачем идём.

К концу царствования Екатерины II Россия представляла собою могущественную державу с 35-миллионным населением, разместившимся на огромном пространстве. В то же время это была страна девственная, весь север которой, «по крайней мере, по среднее течение Волги, покрыт был тогда такими лесами, понятие о которых ... может дать разве только сибирская тайга». Чечулин приводит слова академика П. И. Рычкова о дикой грандиозности этих лесов, их непроницаемости и непроходимости. Любой просвет в лесу вызывал «наиприятнейшее восхищение». Академик желал даже «приложить старание к уменьшению сих лесов». Высказывание Рычкова и других учёных дало повод Н. Д. Чечулину заявить, что Россия в XVIII веке «ближе подходила к Руси времён Ивана Грозного и даже, может быть, татарского нашествия»(6).

В подтверждение сказанному можно вспомнить описание местоположения Череповецкого монастыря, сделанное протоиереем Лукой Петровым в 1814 году. Там говорится о «неизмеримых дремучих лесах», представляющихся взору «за речкою Ягорбой от востока и севера»(7). В XIV веке эту местность вообще называли «лесом в Череповси».

Леса было много и его не берегли. Население рубило лес на постройки, отопление домов, строительство дорог, полотно которых в те времена выстилалось брёвнами. Для этого с избытком хватало и естественного прироста. Население России стремилось очистить землю от растущих на ней деревьев под поля «для хлебного посева». Для этого использовали подсечно-огневую систему земледелия, т.е. вырубку лесного участка, для того, чтобы лес на месте же сжечь. Выжженный участок был пригоден для посева три, максимум четыре года. Затем сжигали лес на следующем участке. В Новгородской губернии, куда входил Череповец, такая система земледелия практиковалась и в более позднее время. Это вызывало тревогу у образованных людей.

Император Пётр I хотел сберечь северные леса для постройки флота на Чёрном море. Некоторые леса объявили заповедными. За всякое срубленное дерево грозил штраф. Новгородский губернатор (с 1764 года по 1781) граф Сиверс, хозяйственный и рачительный, также защищал проект сбережения лесов и использования торфа на топливо.

О дремучих лесах и заповедных рощах в окрестностях Череповца вспоминали корреспонденты Тенишевского бюро в конце XIX века. Василий Антипович Антипов писал об Уломе: «Когда-то и здесь был большой строевой лес, но теперь он весь выведен»(8). Лес сохранился лишь в виде заповедных рощ. Авдотья Михайловна Герасимова также отметила, что «в южной части уезда обращает на себя внимание обилие рощ, тщательно сохраняемых. Такие рощи состоят большей частью из сосновых больших деревьев величественного вида и служат в настоящее время даже некоторым украшением местности; при многих из них выстроены часовни»(9).

Города.

Насколько яркую картину дикого приволья представляли девственные леса, настолько немногочисленны и бедны были города, являвшиеся местом пребывания и интересов тогдашнего купечества и мещанства. Большую часть населения городов составляли крестьяне.

Ко времени вступления на престол императрицы Екатерины II в России считалось 305 городов. В результате проведённых преобразований к концу XVIII века насчитывалось уже не менее 600 поселений городского типа (уездные и безуездные) (10). Но и это число городов было недостаточным. Некоторые из них были крайне удалёнными от своего губернского центра, как, например, Череповец от Новгорода. Статус поселения определялся, прежде всего, нуждами создаваемой в стране административно-управленческой системы и в приказном порядке.

По мнению Чечулина, соображения, побудившие императрицу к увеличению числа городов, не дали тех результатов, которые от них ожидали. Во всяком случае, если Екатерина II держалась мысли, что вслед за образованием городов непременно разовьются и торговля, и промышленность, то почему, – писал он, – «она мало сделала для того, чтобы способствовать развитию торговли и промышленности более действенными способами, чем переименование в города многих поселений, по характеру своему совершенно деревенских»(11).

Жители городов сами занимались и хлебопашеством и огородничеством. В каждом городском доме своими средствами приготавливались материалы для одежды: сукно, полотно и другие материи. Фабрично-заводская промышленность находилась в зачаточном состоянии. То же самое можно сказать и о земледелии. П. И. Челищев, путешествовавший по северу России в начале 1790-х годов, отметил, что в Белозерском, Кирилловском и Тихвинском уездах, урожаи ржи обыкновенно бывают от сам-третьей до сам-пять, редко сам-восемь. В те времена был распространён взгляд, что человек очень мало может сделать для урожая: «Что Бог изволит, то и будет».

Провинциальные города России были поселениями чрезвычайно незначительными по количеству населения. В Череповце, возведённом на степень города из подмонастырской слободы и торгового села Федосьего, в 1777 году насчитывалось 538 жителей, в 1782 – 901. В их числе: купцов – 31, мещан – 679, дворян – 51, церковнослужителей – 21, солдат воинской команды – 31, прочих – 88. В 1795 – 89 купцов III гильдии. Рост, конечно, был, но росло и количество населения в России. Кроме того, городскими жителями считались и многие крестьяне, оставшиеся при своих занятиях.

Рост числа купцов в Череповце свидетельствует о развитии торговли и промышленности, строительстве магазинов, выполнявших в те времена и функции складов. Огромное экономическое значение имели ярмарки, во время которых жители или сами торговали, или принимали у себя приезжих и кормили их. В 1796 году тульский писатель и естествоиспытатель Андрей Болотов писал в

своём дневнике: «Малым городам, где основаны магазейны, превеликая прибыль от стечения народа, от найма ими квартир, покупания провизии, вешания приватно своих кулей с мукою, за что они по грошу и более с куля платили, и покупания остатков, отдачи сараев и амбаров внаймы и подрядов для возки(12).

В Череповце неплохой доход давала возможность продавать на базарах и ярмарках пироги с рыбой, о чём свидетельствует характерная песня: «Не отдай мене мати, ни на Юг, ни на Мусору (соседние волости в Пошехонском уезде), а отдай мене, мати, во село Федосьево: там мужики живут богатые, пироги пекут рогатые (т.е. с рыбой).

Благоустройство городов.

Что касается облика провинциальных русских городов, то они были, по мнению Чечулина, «вообще чрезвычайно неблагоустроены»(13) и имели жалкий вид. Например, Белозерск, старинный город, имевший свыше 3000 жителей, состоял в основном из курных изб. Дома были деревянными, быстро приходили в ветхость. Ввиду повсеместного разбоя их часто огораживали кольями и плетнём. Строились дома очень близко друг к другу. Городские депутаты в своих наказах в комиссию 1767 года жаловались с одной стороны на скученность строений, тесноту, пожары, с другой на заросшие бурьяном обширные пространства между кучками домов. Очень часто городами объявлялись территории, состоящие из нескольких, довольно далеко расположенных друг от друга селений.

В Череповце в городскую черту были включены сёла Федосьево и Никольское, а также подмонастырская слобода. Они отстояли друг от друга за версту и разделялись лесом и болотом, через которые пролегал извилистая дорога. Болото было местом сбора воров, разбойников и других нарушителей общественного порядка.

Положению городов соответствовали и их улицы. Они были, как правило, кривы и узки, непроходимы во многих местах, особенно весной и осенью. Прямая улица была редкостью. Чечулин пишет, что как только современникам приходилось заговорить о внешнем виде города, сейчас же читаешь, что улицы кривы, узки, грязны.

Только со времени Екатерины II правительство стало обращать внимание на то, чтобы постройки в городах располагались по некоторому плану. Суть преобразований заключалась в сохранении роли старого центра и создании нового, в соединении вертикалей имеющих храмов с новым принципом развивающихся по горизонтали регулярно организованных пространств улиц и площадей.

В Череповце в непосредственной близости от Соборной площади расположился новый центр с Торговой площадью, а направление дороги на село Федосьево превратилось в основу для создания главной улицы и организующего начала городского плана.

Для формирования облика улиц и площадей была создана «Комиссия о каменном строении городов С.-Петербурга и Москвы», в задачи которой входило не только благоустройство столиц, но и забота о приличном облике губернских и уездных городов. За четыре года своей деятельности комиссия отобрала большое количество образцов жилых зданий и торговых помещений, проекты и фасады которых публиковались в специальных альбомах под названием «Собрание фасадов Е.И.В. высочайше апробированных для частных строений в городах Российской Империи». Впоследствии маркиз де Кюстин, в афористической форме написавший книгу о России, нарёк её «царством фасадов», имея в виду иллюзорность российской жизни. Считают, что это обстоятельство свойственно было не только эпохе Николая I, но и России Сталина и Брежнева.

Чечулин отметил также, что в провинциальных городах построек в собственном смысле слова каменных тогда не было; встречались постройки кирпичные. Из него строились, главным образом, монастыри и церкви, иногда лавки, но жилые дома встречались очень редко. «Это, – по-видимому, – писал Николай Дмитриевич, – было результатом не только недостатка кирпича или его дороговизны – на постройку церквей кирпич всегда имелся: кажется, влияло исстари установившееся убеждение, что каменные дома вредны для здоровья. Для такого убеждения было, действительно, основание: тогда редко умели хорошо построить каменные здания, они были обыкновенно сырыми, ... чрезмерно толстыми, ... при возведении каменных построек мало обращалось внимания на то, чтобы стены были оштукатурены гладко и по отвесу, и чтобы углы правильно сходились. Но главнейшею причиною малого количества каменных построек была всё-таки бедность массы городских жителей» (14). А потому строение в городах было сплошь деревянное.

Лечебное дело.

В течение всего XVIII века в России чрезвычайно велика была смертность, особенно детская. Этому способствовала плохая санитарная обстановка городов, обычай хоронить умерших около церквей. Только после московской чумы 1771 года запрещено было хоронить покойников в черте города. В Череповце состоялся перенос кладбища от Воскресенского собора за пределы города. В 1790 году с территории бывшего монастыря по прошению приходских людей и по резолюции Преосвященного Гавриила Митрополита Новгородского и С.-Петербургского была перевезена «на отведённое в то время Градское Череповецкое кладбище, что на Коржаве» деревянная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы»(15).

Высокой смертности способствовали также болота, плохая питьевая вода, недоедание, кожевенные производства на берегу реки, воздух, чрезмерные разгулы населения во время праздников, эпидемии. У пристани, под мостом или съездом в городе образовывались стихийные свалки – скопище всяких нечистот. Жилые дома, как правило, не отличались чистотой. В них «всюду несло и дуло». Люди тогда не осознавали необходимости тех санитарных и гигиенических требований, которые известны и понятны нам сегодня. «На своём дворе я волен жить, как хочу, и делать, что хочу» – общераспространённый взгляд людей того времени.

Люди в городах не имели медицинской помощи. Лекарей не было. До 1767 года ни в одном городе не было госпиталей. Н.Д. Чечулин писал: «На огромном пространстве трёх нынешних уездов – Белозерского, Кирилловского и Череповецкого – в 1791 году не было ни одного доктора. (16) В Череповце больница на 10 коек появилась лишь в 1831 году.

Пути сообщения.

Большинство тогдашних путей сообщения находилось на попечении местной администрации, а это, – по мнению Николая Дмитриевича, – «равняется признанию, что дороги оставались без всякого призора»(17). Администрация была чрезвычайно бедна возможностями и располагала ничтожными денежными средствами. На севере дороги были совершенно непроезжими из-за болот. Все, кому приходилось говорить о своих переездах по дорогам России, жаловались на их плохое состояние. Например, Екатерина Дашкова, отправляясь в ссылку была осведомлена о том, что место её ссылки деревня Коротово во время весеннего разлива рек оказывалось совершенно отрезанным от городов и ближайших сёл.

Повинности в пользу государства, в том числе и натуральные – починка и постройка мостов и дорог, военные постои несли крестьяне. Но при обширной территории и малой населённости, дорожная и подводная повинности, оказывалась для них непосильной. Часто жители придорожных селений умышленно перепахивали дороги, прекращая, таким образом, движение, и пропуская проезжающих в этом месте за особую плату.

Отсутствие порядка на дорогах не лучшим образом сказывалось на работе регулярной почты, учреждённой при Петре I. Она представляла собой сеть станций, управляемых специальными чиновниками. В распоряжении станционного смотрителя находились государственные ямщики, кибитки, лошади.

Новгородский губернатор Яков Сиверс при объезде губернии 1764 году «нашёл в почтовом деле большие беспорядки; ... на одном тракте местные жители заставляли проезжающих купцов на пространстве 43 версты менять лошадей три раза, конечно, каждый раз требуя высокой платы. Он предписал, чтобы проезжающим предоставлена была полная свобода в найме лошадей»(18). Но надежды на исполнение этого требования, – пишет Чечулин, – у Сиверса не было в связи с отсутствием наблюдателя.

Казалось бы, при неудобствах сухопутных дорог, должны были бы получить особое развитие водные пути, но и они были также неудовлетворительны. Движение по воде было так медленно, что суда за навигацию успевали сделать только один рейс. Кроме того, в каждом городе производилась проверка паспортов. Из Петербурга суда не возвращались, а продавались там же на надворные постройки, или на дрова. Слишком дорого обходился сплав судов. Да и строились они плохо, не слушались руля, были тяжелы на ходу, поднимали мало груза. При строительстве их не было ни хороших чертежей, ни искусных мастеров.

Судоходству часто вредили невежественные крестьяне: селились близко к воде, ставили амбары на сваях, чтобы «вода, сено, и всякая от воды удобность была близка»(19), устраивали рыбные ловли, создавали искусственные мели, портили мосты. При этом и сами страдали от разбойников. На пути от Петербурга в Москву все деревни были окружены высокими частоколами. Надо сказать, что разбойничество в России было явлением обыденным. От него не защищён был никто, ни житель города, ни крестьянин, ни проезжающий по водным путям. Нападения на плывшие суда даже среди белого дня случались постоянно. Лишь с введением пароходства разбои на воде прекратились. Возникали они и как месть господам, но, главным образом, как малокультурность, грубость общества и бессилие тогдашней администрации. Борьба против разбоев шла нерешительно и медленно. Поэтому каждый защищался, как мог. В Пошехонском имении графа П.М. Бестужева-Рюмина, расположенном на берегу Шексны, во дворе стояли наготове пушки.

Раскол.

Раскол – малоизученная страница в истории нашего города. Известно лишь, что со времени возникновения старообрядчества Череповец и его уезд сделались видным пунктом раскола. Ещё в XVII «бунташном» веке, сроднившись со своеволием и празднотшанием, лёгкой добычей и скорым разорением, череповчане приняли раскол, как новую форму сопротивления законной власти – духовной и гражданской. Этому способствовали и дремучие леса. В них старообрядцы могли легко и удобно скрываться.

Судебные порядки.

Видное место в жизни людей того времени занимали тяжёлые дела. Немного можно было встретить людей, которые бы не имели дела в судах в качестве истца, или ответчика и это несмотря на то, что процессы тянулись годами, даже десятилетиями и были очень затратными. По словам Сиверса в Новгородской губернской канцелярии из ста дел едва решалось одно.

Судебные дела являлись главными темами для бесед в кругу помещиков, купцов, мещан и крестьян. Неистощимым источником поводов для тяжб являлась, прежде всего, неупорядоченность в земельных отношениях, неясностей и неурядиц в законах о наследовании имущества и др. Действующим сводом законов и в XVIII веке оставалось Уложение царя Алексея Михайловича, изданное в 1649 году. Императрица Екатерина II сделала попытку составления нового Уложения, созвав для этого Комиссию 1767 года. Однако нового Уложения она так и не сочинила, зато собрала огромный материал.

В заключение хочется сказать, что история России Екатерининской эпохи была главной темой историка Н.Д. Чечулина. Книга учёного о русской провинции эпохи просвещения является прекрасным источником для понимания истории и развития нашего города, жизни людей того времени, которые также как и мы, сегодня были горды своими успехами и считали, что достигли такой высоты, которую трудно будет превзойти потомкам.

Примечания.

1. Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб 2010. С. 14.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб. 1994. С.
3. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 27.
4. Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. Часть V. Переиздание. М. 1937. С. 108.
5. Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 26.
6. Чечулин Н.Д. Указ соч. С. 109-110.
7. Петров Лука // История Российской иерархии собранная Амвросием. Ч. VI. М. 1815. С. 657.
8. Антипов В.А. // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб. 2009. С. 12.
9. Герасимова А.М. // Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Новгородская губерния. Т. 7. Ч. 3. Череповецкий уезд. СПб. 2009. С. 496.
10. Чечулин. Указ. соч. С. 52.
11. Там же: С. 55.
12. Болотов Андрей. Памятник прошедших времян. Часть I. // Записки очевидца. Воспоминания, дневники, письма. М. 1990. С. 66.
13. Чечулин. Указ. соч. С. 70.
14. Там же: С. 78-79.
15. Петров Лука. Указ соч. С. 666.
16. Чечулин Н. Д. Указ соч. С. 537.
17. Там же: С. 173.
18. Там же: С. 183.
19. Там же: С. 191.